

ВОЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР ДРЕВНЕЙШЕГО ГОСУДАРСТВА

В. И. Авдиев

В. И. Ленин с предельной четкостью раскрыл внутренний процесс возникновения древнейшего классового государства и показал, какое глубокое теоретическое значение имеет эта важнейшая историческая проблема. «Очень часто,— писал он,—...не только представители религиозных учений (от них-то это вполне естественно ожидать), но и люди, которые считают себя от религиозных предрассудков свободными, смешивают специальный вопрос о государстве с вопросами о религии и пытаются построить — очень часто сложное, с идейным философским подходом и обоснованием — учение о том, что государство есть нечто божественное, нечто сверхъестественное, что это некоторая сила, которой жило человечество и которая дает людям или имеет дать, несет с собой нечто не от человека, а извне ему данное, что это — сила божественного происхождения». В. И. Ленин глубоко вскрыл классовые тенденции, заключенные в подобных учениях о государстве, имеющих своей главной целью оправдать эксплуатацию трудовых масс правящим классом. «Учение о государстве,— указывал он,— служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма...». Характеризуя сущность эксплуататорского государства как аппарата принуждения и насилия, В. И. Ленин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом указывал, что «государство сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления», к появлению такой особой группы людей, «которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию».

Еще в начале XIX в. Гегель утверждал, что государство не историческая категория, а что оно существовало и будет существовать вечно, «что государство есть общая духовная жизнь, к которой индивидуумы относятся с доверием и привыкают от рождения и в которой выражаются их сущность и их деятельность». Не видя классовой, эксплуататорской сущности древних государств, Гегель писал, что «субъекты» в этом государстве «вращаются вокруг центра, а именно вокруг властителя, который стоит во главе государства, как патриарх, а не как деспот...». Патриархальный, «идиллический» характер государства, в частности древневосточной деспотии в Китае, Гегель сравнивал с семейными отношениями, в которых император осуществляет свои права по отношению к подданным, так же, «как их осуществляет отец по отношению к своим детям». Далее, важной, по мнению Гегеля, характерной чертой древнего государства была организация хозяйства. Крайне преувеличивая значение географического фактора в истории человечества,

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 66, 69.

Гегель считал, что древнейшие государства возникли в больших низменностях, где «для земледелия... нужны регулярные работы, соответствующие регулярности времен года»². Это преувеличение географического фактора, якобы явившегося одной из основных причин возникновения древнейших государств, характерно и для многих позднейших буржуазных исторических и историко-философских трудов. Из этого преувеличения выросла и теория о «древнейших организаторах хозяйства», которыми в древневосточных деспотиях были жрецы и аристократы во главе с царем.

О решающей роли географического фактора в формировании древних государств пишут и многие современные буржуазные историки и социологи, в частности французский ученый Э. Кавеньяк, который именно этим фактором объясняет то, что «одно из наиболее отчетливо отмеченных единств в человеческой географии, средиземноморское единство... просуществовало в течение трех или четырех тысяч лет (с 3 тыс. до н. э. до 600 г. н. э.)»³. Такой же подход к географическому фактору характерен и для специалистов в области истории древнего Востока, в частности известного американского египтолога Д. Г. Брэстеда, чьи работы имеют широкое распространение до настоящего времени⁴. В истории древнего Востока он придавал решающее значение «плодородному серпу», то есть тому серповидному географическому району (аллювиальным долинам Египта и Передней Азии), где плодородная почва и хорошие условия орошения способствовали раннему появлению и расцвету земледельческого хозяйства. В том же духе трактует историю Египта и известный американский египтолог Д. Уилсон, который из факта географической изоляции Египта пытается даже вывести некоторые черты сконструированного им национального характера древних египтян, как, например, «оптимизм и чувство личной свободы»⁵.

Тенденциозная концепция древневосточной деспотии как организатора хозяйства получила свое отражение в работах буржуазных историков XIX в. Э. Мейера, М. Вебера и многих других. Э. Мейер считал, что необходимость организации искусственного орошения в долине Нила ставила перед населением «задачи, которые были непосильны для отдельного поселенца или для внутренне слабого объединенного племенного союза и поэтому требовали прочной государственной организации»⁶. По мнению М. Вебера, именно в связи с организацией искусственного орошения на древнем Востоке возникла могущественная деспотия⁷. Западногерманский историк древневосточного права Р. Хаазе считает, что «необходимость упорядочения системы искусственного орошения» привела в древней Месопотамии к образованию древнейших городов-государств⁸.

Наряду с этим в буржуазной историографии развиваются две тесно связанные между собой теории, также претендующие на объяснение причин формирования древнейших государств: расовая и миграционная. Согласно этим теориям, древнейшие государства возникали в первую очередь в результате переселения (миграции) на новые территории или завоевания этих территорий более сильными и чистыми «расами», среди которых первое место занимает индогерманская, или арийская «раса». С попыткой обосновать эту теорию еще в начале XIX в. выступал Гегель, особенно подчеркивавший историческое значение Персидского государ-

² Гегель. Сочинения. Т. VIII. М. 1935, стр. 85, 99, 117.

³ E. Cavaignac. Etude synoptique des civilisations. P. 1955, p. 3.

⁴ J. H. Breasted. Ancient Times. A History of the Early World. Boston. 1916, p. 101.

⁵ J. A. Wilson. The Culture of Ancient Egypt. Chicago. 1965, p. 13.

⁶ Ed. Meyer. Geschichte des Altertums. Bd. I. Hälfte II. B. 1913, S. 57—58.

⁷ М. Вебер. Аграрная история Древнего мира. М. 1925, стр. 60.

⁸ R. Haase. Einführung in das Studium keilschriftlicher Rechtsquellen. Wiesbaden. 1965, S. 36.

ства в следующих словах: «В Персидском государстве мы впервые обнаруживаем историческую связь. Персы являются первым историческим народом. Персия — первое исчезнувшее государство»⁹.

Такой подход к истории древней Персии сохранился в буржуазной историографии и до нашего времени. Современные буржуазные археологи и историки древнего мира стремятся истолковать материалы археологических раскопок как следы стоянок мидян и персов во время их миграции внутри Иранского нагорья. «На этих местах раскопок, пишет Р. Лабат, обнаруживаются начиная со II тысячелетия новые формы культуры. Они позволяют нам восстановить миграционный путь этого народа, который начался в Юго-Восточной Европе, возможно, описал дугу в азиатских степях и затем либо пересек Кавказ, либо прошел севернее Каспийского моря, достигнув сперва северной, затем западной части Иранского нагорья...». Эта искусственная, надуманная схема построена на неправильном толковании некоторых археологических данных. Полное отсутствие надписей не позволяет говорить о существовании прародины индогерманцев, тем более об их миграции. Автор сам пишет, что он не может установить, кем были «вторгшиеся» племена: «Правда, мы не знаем, как назывались эти вторгшиеся племена», — и все же утверждает, что «их материальная культура (особенности захоронения, украшения конской сбруи, орудия и керамика) ясно показывает, что эти новые пришельцы, авангард которых Салманасар встретил в Загре, были индогерманцами, в частности мидянами и персами»¹⁰.

Расовые и миграционные теории не раз использовались для исторического обоснования и оправдания вторжения европейских завоевателей в восточные страны, причем европейцам в этих случаях всегда приписывалась роль носителей более высокой культуры. Так, английский публицист и историк Дж. Вудкок, посвятивший специальную работу проникновению древних греков в Индию, несомненно, преувеличивая влияние греческой культуры на индийскую и неправоммерно и антиисторически сравнивая греческое проникновение с британским гнетом, писал: «В течение тысячи лет, с VI в. до н. э. до V в. н. э., греки находились в Индии... Подобно британцам, греки пришли сюда в качестве чужеземцев, но иначе, чем они; большая часть их осталась здесь, чтобы занять свое место в индийском обществе... Многие приняли индийскую религию, ...многое они принесли в буддизм; идеи и миссионерство, святого царя, Менандра и первое художественное изображение образа Будды. Индии они дали ремесленную технику, свое знание астрономии и великую школу гандхарской скульптуры, влияние которой глубоко проникло в далекие уголки Азии». По мнению Вудкока, воздействие древних греков на Индию было чрезвычайно велико: «Греческие цари Бактрии правили в Индии, завоевали города и области... и создали индо-греческую культуру, которая оказала глубокое влияние на искусство не только Индии, но даже Восточной Азии вплоть до Японии»¹¹.

Теории, объясняющие возникновение древнейших государств миграциями, вторжениями и завоеваниями новых территорий более культурными расами, получили широкое распространение в современной буржуазной историографии. Даже образование древнеегипетского государства нередко объясняется вторжением в Египет в глубокой древности новой «правлящей расы», «расы аристократов, или господ». Английский египтолог У. Эмери, отмечая быстрый рост культуры в древнем Египте на заре исторического периода, считает возможным говорить, что его «главной причиной было вторжение нового народа в нильскую долину, который

⁹ Гегель. Указ. соч., стр. 163 и сл.

¹⁰ R. Labat. Assyrien und seine Nachbarländer. «Fischer Weltgeschichte». Bd. 4. Die altorientalischen Reiche. Frankfurt a. M. 1967, S. 20.

¹¹ G. Woodcock. Greeks in India. L. 1966, pp. 13, 16.

принес с собой то, что можно назвать... основой фараоновской цивилизации». Это вторжение Эмери сравнивает с вторжением саксонцев в Британию, «которое также привело к образованию нескольких государств, борющихся за преобладание»¹². Теперь, когда наука располагает большим количеством археологических и исторических фактов, доказывающих вполне самостоятельное возникновение и развитие египетской культуры и египетского государства начиная с глубокой древности, такие высказывания, как приведенные нами выше, могут быть объяснены исключительно тенденциозностью их авторов.

Буржуазные историки, изучавшие историю древнего Востока и стремившиеся всячески подчеркнуть положительные черты древнейшего классового государства, видя в нем благодетельную силу прогрессивного характера для всего народа», обратили внимание на формы первобытной демократии, которую Ф. Энгельс называл военной демократией. Однако они нередко относили эту первобытную демократию именно к эпохе уже установившегося классового государства, хотя Ф. Энгельс полагал, что военная демократия была реально действующим институтом лишь в эпоху разложения родового строя. Описывая своеобразную форму родового строя у североамериканских ирокезов, Энгельс подчеркивал, что изучение этого строя дает «возможность изучить организацию общества, еще не знающего государства», хотя у ирокезов и существовал союзный совет, заседания которого, однако, должны были происходить перед собравшимся народом, причем «каждый ирокез мог взять слово»¹³. Говоря далее о родовой организации у древних греков, Ф. Энгельс имел в виду общественный строй героической эпохи, когда, по словам К. Маркса, термин *basileia*, который «греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской так называемой царской власти (потому что главный отличительный признак ее — военное предводительство), при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания означает только военную демократию»¹⁴. Рисуя яркими красками процесс становления классового государства, Ф. Энгельс писал, что в эпоху крушения родового строя недоставало еще только одного: «недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним. И такое учреждение появилось. Было изобретено государство»¹⁵.

Однако буржуазные историки, стремясь идеализировать древнейшие классовые государства, всячески пропагандируют теорию извечного существования «надклассового государства», пытаются соединить несоединимое и утверждают, что «благодетельная» первобытная демократия существовала одновременно и как бы в полной гармонии с древнейшим классовым, даже деспотическим государством. Именно поэтому американские буржуазные историки в первой половине нашего столетия стали обращать все большее внимание на пережитки военной демократии, сохранившиеся в древневосточных деспотических государствах. Так, американский историк Э. Шпейзер пытается убедить своих читателей в том, что в идеально уравновешенном государстве у древневосточных народов сочетались элементы твердой власти и «разумной демократии». По мнению Шпейзера, в государствах древней Месопотамии «закон одинаково применялся к правителю и к подданным. Царь сперва является не более, как великим человеком. Он может стать правителем большой империи, но он даже тогда будет лишь слугой, а не источником законов, являясь ответственным перед богами за их проведение в жизнь... Закон является установлением, которое руководит правителем и охраняет под-

¹² W. B. Emery. *Archaic Egypt*. Edinburgh. 1961, pp. 38, 42.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 96.

¹⁴ Там же, стр. 107.

¹⁵ Там же, стр. 108.

данных... Над всем господствовал общественный строй, который основывался на правах личности, воплощался в соревновательном хозяйстве и охранялся высшим авторитетом закона»¹⁶. При этом американский историк обошел вопрос о классовой эксплуатации в этом якобы «гармонично уравновешенном древневосточном обществе», ни словом не обмолвился о жестоких формах эксплуатации рабского труда, не вскрыл того принципиального различия, которое резко отделяет доклассовый, первобытнообщинный строй от рабовладельческих деспотий древневосточного мира. Научной ценности эти псевдоисторические конструкции, разумеется, не имеют. Они используются для того, чтобы идеализировать, изобразить в приукрашенном виде древневосточную рабовладельческую деспотию, которая является древнейшим видом известного исторической науке классового государства.

Факты, якобы подтверждающие наличие «первобытной демократии» в эпоху существования древнейших рабовладельческих государств в странах Востока, далеко не всегда даются в правильной исторической перспективе и потому часто получают совершенно неверное освещение, в связи с чем необходимо специально остановиться на этом вопросе.

В шумерийских и вавилонских мифах и религиозных сказаниях нередко упоминается «собрание богов» (пухур илини), которое созывается для решения тех или иных важных дел. В эпической поэме «О сотворении мира» («Энума элиш») рассказывается о том, как бог Аншар созвал в палате Убшууккинна собрание богов и богинь, на котором боги вручили верховную власть богу Мардуку, согласившемуся вступить в бой с чудовищем Тиамат. Интересно отметить, что в этом собрании богов главное место занимают пятьдесят «старших богов» (или рабиутум), среди которых, в свою очередь, выделяются «семь богов, которые определяют судьбы». Это «собрание богов» является органом судебной власти. В мифе об Энлиле и Нинлиле пятьдесят старших богов и «семь богов, которые определяют судьбы», присуждают Энлиля к изгнанию за совершенное им преступление. Хотя религиозные мифы и отражают в некоторой степени конкретные факты исторической действительности, нет никаких оснований предполагать, что в эпоху записи шумерийских и вавилонских мифов в Месопотамии существовали «народные собрания», которые имели право как избирать царя, так и лишать его царской власти. Даже американский буржуазный ученый Т. Якобсен признает, что в этом мифе «мы имеем отражение более древних форм того земного государства Месопотамии, которое существовало в доисторические времена»¹⁷. Правильнее, конечно, было бы сказать, что в религиозной литературе шумерийского и вавилонского периода долго сохранялись воспоминания о той первобытной демократии, которая существовала в древнейшей Месопотамии в период распада родового строя. Сведения об органах народной власти, существовавших в период военной демократии, имеются и в древних исторических легендах. Так, в «Плаче о разрушении Ура» описывается собрание богов, на котором выносятся решения разрушить Ур. А в шумерийской эпической поэме «Гильгамеш и Агга» рассказывается о том, как во время нашествия неприятеля Гильгамеш — правитель Урука — обращается с призывом сперва к «отцам (то есть старейшинам. — В. А.) города», а потом к «мужам города» встать на борьбу с вторгшимся неприятелем¹⁸. Отголоски этих древних воспоминаний о народном собрании и совете старейшин можно найти также в ва-

¹⁶ E. A. Speiser. Some Sources of Intellectual and Social Progress in the Ancient Near East. Studies in the History of Culture. Menasha. 1942, pp. 59—61.

¹⁷ Th. Jacobsen. Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia. «Journal of Near Eastern Studies». Vol. II, 1943, № 3, p. 167.

¹⁸ S. N. Kramer. Lamentation over the Destruction of Ur. Chicago. 1940, pp. 32—33, l. 152; e jus d. Gilgamesh and Agga. «American Journal of Archaeology». Vol. LIII, 1949, № 1; Th. Jacobsen. Op. cit., pp. 171—172.

вилонской эпической поэме о Гильгамеше. Однако не следует забывать, что и в данном случае эти факты указывают лишь на отражение в художественных произведениях шумеро-вавилонской литературы воспоминаний об органах народной власти периода военной демократии. То же самое слово «пухрум», которое применялось в этих произведениях для обозначения «собраний богов», встречается и в юридических документах вавилонской эпохи. Однако, как на это правильно указал А. Вальтер¹⁹, этот термин, употребляемый лишь в юридических текстах, фактически обозначает «судебное собрание». Т. Якобсен полагает, что в его состав входили все свободные взрослые мужчины города или селения и имели в нем одинаковое право голоса при решении судебных дел. Поэтому Якобсен называет это судебное собрание «демократическим учреждением». При этом он основывается на том, что в некоторых документах название города чередуется со словом, обозначающим «собрание» подобного рода, а также на том, что понятия «город» (алум) и «старейшины» (шибутум) упоминаются в текстах как обозначение различных корпораций²⁰. Но эти аргументы не вполне убедительны. А. Вальтер в специальной работе, посвященной древневавилонскому праву, указывал на то, что термины «город» (алум), «собрание» (пухрум) и «старейшины» родственны по содержанию между собой²¹. А. Кюк, посвятивший ряд работ вавилонскому праву, отождествлял термины «собрание» (пухрум) и «старейшины» (шибутум)²². Даже Якобсен признает, что «город» и «старейшины» могли совместно функционировать в качестве единого трибунала²³. Вполне естественно, что в эпоху начавшегося классового расслоения богатые и родовитые представители рабовладельческого класса, так называемые старейшины, играли главную роль в тех общинных советах, которые позднее утратили свой демократический характер, сохранив при этом древнее название «собрание» (пухрум). Отождествление термина «собрание» с термином «город» и чередование их в одном и том же документе — всего лишь фразеология, столь типичная для консервативного и традиционного быта древней Месопотамии. Точно установить состав этого судебного собрания не представляется возможным. Однако типичное выражение «город и старейшины» указывает на то, что в состав этого собрания, помимо рядовых свободных, входили старейшины, которые и решали в нем все дела, опираясь на свое богатство, родовитость, господствующее положение и влияние в обществе.

Особенный интерес для изучения вопроса о длительном сохранении в раннерабовладельческом государстве пережиточных органов, оставшихся от времени военной демократии, представляют надписи из Кюль-Тепе, относящиеся к рубежу III и II тыс. до н. э. Эти по большей части деловые документы рисуют яркую картину социально-экономических отношений, характерных для ассирийских торговых организаций, существовавших в то время среди местного населения Малой Азии. В литературе неоднократно указывалось на то, что ассирийские торговые колонии в своем внутреннем управлении пользовались большой самостоятельностью. В частности, в этих колониях судебной властью было наделено особое учреждение, называвшееся «карум». Это слово первоначально обозначало «набережная», «пристань», «торговый город», а затем в связи с расширением содержания этого понятия стало употребляться для обозначения того «торгового люда», который жил в этих городах и образовывал особую «торговую организацию». Якобсен вслед за Ландсбергером, обращая особенное внимание на постоянно следующие за словом «карум» эпитеты «малый и большой», считает, что «карум» было «общим

¹⁹ A. Walther. Zum altbabylonischem Gerichtswesen. Leipzig. 1917, S. 45.

²⁰ Th. Jacobsen. Op. cit., p. 162.

²¹ A. Walther. Op. cit., S. 46.

²² «Revue d'Assyriologie». Vol. VII. (1910), p. 87.

²³ Th. Jacobsen. Op. cit., p. 162.

народным собранием», которое объединяло все население колонии — «от мала до велика» — или, вернее, состояло из двух возрастных групп — «молодых» и «старых» жителей города²⁴. Однако и это судебное собрание, разбиравшее различные судебные споры в ассирийских колониях, не может быть названо демократическим учреждением, поскольку оно созывалось особым чиновником только по решению большинства группы «старых», то есть «старейшин». Согласно особому статуту, этот чиновник не имел права созывать «карум» по заявлению отдельного лица, без разрешения большинства старейшин. Если же он, превышая свою власть, поступал таким образом, то обязан был уплатить штраф в 10 шекелей серебром²⁵.

Очевидно, этот «карум» лишь внешне, главным образом по своему названию, являлся «демократическим» органом судебной власти. На самом же деле это был «совет старейшин», защищавший классовые интересы рабовладельческой аристократии. Его название сохранилось от времени военной демократии. На это отчасти указывает и то, что слово «карум» восходит к шумерийскому слову «кар» и в качестве термина, служившего для обозначения особого органа судебной власти, встречается в судебных надписях I вавилонской династии²⁶.

Как известно, ассирийские города пользовались некоторой самостоятельностью в области внутреннего управления. На этом основании американский ученый А. Т. Ольмстед, модернизируя историю, назвал их «свободными имперскими городами». Но Ольмстед все же не находил возможным называть административные органы управления этих городов демократическими учреждениями. Наоборот, он был принужден отметить, что «из местной аристократии избирался совет старейшин, который обладал очень широкими административными и судебными полномочиями»²⁷. И действительно, в период существования ассирийского рабовладельческого государства местные органы управления и суда, так называемые «советы старейшин», были аристократическими органами власти, отражавшими интересы правящего класса рабовладельцев как в городах, так и в ассирийских колониях Малой Азии. В это время органы народной власти периода военной демократии уже превратились в органы государственной власти.

Пережитки военной демократии долго сохранялись у древнееврейских племен, которые ко времени вторжения в Палестину в середине II тыс. до н. э. жили в условиях распада родового строя. Древнееврейские племена не смогли образовать здесь прочного и сильного деспотического государства. Однако неправы буржуазные историки Вольф, Педерсен и другие, утверждая, что в древней Палестине в качестве обычного органа верховной власти существовало народное собрание — тое'dh, имевшее судебную, исполнительную и законодательную власть, причем «во все периоды израильской истории это народное собрание имело почти неограниченные полномочия»²⁸. Для доказательства существования такого «народного собрания» вышеуказанные авторы выдвигают предположение, что термины «старейшины» и «город» тождественны и охватывают всю совокупность граждан²⁹. Но это — чисто гипотетическое утверждение, которое основывается на том, что термин «старейшины» в нескольких местах библии чередуется с термином «мужи Израиля». Однако не все примеры, приведенные Вольфом для подтвер-

²⁴ Ibid., p. 161.

²⁵ G. R. Driver., J. C. Miles. The Assyrian Laws. Oxford. 1935, p. 378; Th. Jacobsen. Op. cit., p. 161.

²⁶ A. Walther. Op. cit., S. 70.

²⁷ A. T. Olmstead. History of Assyria. N. Y. 1925, p. 525.

²⁸ C. U. Wolf. Traces of Primitive Democracy in Ancient Israel. «Journal of Near Eastern Studies». Vol. VI, 1947, № 2, p. 108.

²⁹ J. Pedersen. Israel: its Life and Culture. Vol. I. 1926, p. 36; C. U. Wolf. Op. cit., p. 108.

ждения этой гипотезы, достаточно убедительны. Так, в Книге Иисуса Навина старейшины не отождествляются с народом. О них говорится как об особой, наиболее привилегированной группе населения. Это ясно видно из контекста³⁰. Впрочем, сам Вольф считает возможным утверждать, что далеко не всегда слово «старейшины» обозначает в Библии «народное собрание» и что в некоторых случаях под словом «старейшины» понимается социальная группа, выделяющаяся из всей массы населения своим богатством и влиянием. Так, в Книге Судей «старейшины» упоминаются наряду с «князьями»³¹. Весьма возможно, что в «народном собрании», которое имело функции органа судебной власти, присутствовали и рядовые свободные. Однако судебные споры решали и виновного к наказанию присуждали именно «старейшины», которые, несомненно, принадлежали к правящему классу рабовладельческой аристократии. Так, в Книге Второзакония говорится о том (гл. 21), что «буйного и непокорного сына» следует привести к «старейшинам». Очевидно, только после того, как те выносили приговор виновному, «жители города» были вправе побить его «камнями до смерти». Подобные факты приводят даже буржуазные исследователи к выводу, что «старейшины» принадлежали к высшему социальному слою и что институт «старейшин» сохранился у древнееврейских племен от времени родового строя до периода образования государства и монархической власти³². Но все же буржуазные историки, стремясь затушевать классовую эксплуатацию, выдвигают на первый план черты так называемого «демократизма» в организации древневосточных государств. Поэтому они выдают формы управления времени военной демократии, воспоминания о которых сохранились в героических сказаниях, в эпических поэмах, воспевающих подвиги древних героев, за реально действовавшие органы народной власти, якобы осуществлявшие функции верховного народного суверенитета в древневосточных государствах. Цари нередко изображаются ответственными перед верховными органами народной власти. Однако эта концепция противоречит исторической действительности. О деспотическом характере царской власти достаточно ясно сказано в Библии: «...вот какое право будет у царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших возьмет и поместит у себя при колесницах своих и при конях своих, и бегать будут они перед колесницей его... И самые лучшие поля ваши, и виноградники ваши, и масличные рощи ваши возьмет и раздаст слугам своим. И из посевов ваших и из виноградных садов ваших будет брать десятую часть и отдавать царедворцам и слугам своим. И лучших рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и станет употреблять на свои дела. Из овец ваших возьмет десятую часть; да и сами вы будете ему рабами»³³.

Таким образом, приходится признать, что в период распада родового строя во второй половине II тыс. до н. э. в древней Палестине имелись такие же органы власти (например, совет старейшин), какие существовали у целого ряда народов, стоявших на аналогичной ступени общественного развития. В период образования классового рабовладельческого общества и деспотического государства эти советы старейшин сохранялись лишь как пережитки общинно-родового строя, причем руководящую роль в них стали играть представители родовой и рабовладельческой аристократии. Говорить о существовании в древней Палестине в царский период народных собраний не приходится, так как точная документация отсутствует, а туманные картины, сохранившиеся в поздних и подвергшихся сильной редакторской обработке библейских текстах, воспроиз-

³⁰ Библия. Книга Иисуса Навина. XXIV, 1—2.

³¹ Библия. Книга Судей. VIII, 14.

³² A. Lods. *Israel des origines au milieu du VII s. P.* 1930, p. 458.

³³ Библия. Первая книга Царств [1-я Книга Самуила]. VIII, 11, 14, 15, 16, 17; А. Б. Р а н о в и ч. Очерк истории древнееврейской религии. М. 1937, стр. 153—154.

водят лишь смутные воспоминания о древних временах военной демократии.

Все эти факты подтверждают вывод Ф. Энгельса, что у древних народов в период распада родового строя «военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию». Изучив родовой строй у греков, римлян и древних германцев, Ф. Энгельс показал, что «родовые союзы внутри племени у американских индейцев по существу тождественны с *genea* греков и *gentes* римлян; что американская форма — первоначальная, а греко-римская — позднейшая, производная». Ф. Энгельс особенно подчеркивал роль Моргана в изучении этого вопроса. По словам Энгельса, «доказательство этого сразу разъяснило самые трудные разделы древнейшей греческой и римской истории и одновременно дало нам неожиданное истолкование основных черт общественного строя первобытной эпохи до возникновения государства»³⁴. К. Маркс выделил и подчеркнул в конспекте книги Моргана «Древнее общество» следующие положения: «основой и центром конфедерации (ирокезов.— В. А.) были роды... *Монархия несовместима с родовым строем. Греческие тирании были деспотиями, основанными на узурпации, представлявшими зародыши, из которого развились позднейшие монархии; так называемые монархии гомеровского периода были не чем иным, как военными демократиями*»³⁵.

Говоря о военной демократии у древних греков, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивают, что власть греческого басилевса не носила монархического характера и что только «европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают басилея в монарха в современном смысле слова»³⁶. Сопоставляя военачальника ирокезов с басилевсом гомеровского периода, К. Маркс отмечал, что «у греков в соответствии с их родовыми учреждениями следует предполагать либо свободное избрание, либо утверждение басилевса в его должности народом через посредство признанных им организаций, подобно римскому рексу». Приведенные Марксом далее слова Дионисия и Аристотеля ясно указывают на то, что греческих басилевсов «назначал своими вождями сам народ» и что особым видом царской власти была «власть басилевса героических времен, основанная на добровольном подчинении (свободного народа)...»³⁷. Особенно существенно то, что Аристотель противопоставляет власть басилевса гомеровского времени выборной тирании, с одной стороны, и наследственной деспотии варваров и наследственной царской власти в Лакедемоне, с другой. Впрочем, из II песни «Одиссеи» видно, что власть басилевса могла переходить по наследству, но народ имел право избрать басилевсом не сына прежнего «царя», а совершенно иное лицо³⁸.

М. Вебер вслед за Э. Мейером утверждал, что в гомеровской Греции уже существовало «государство греческого средневековья»³⁹. Советские ученые в своих трудах достаточно ясно показали, что нет никакого основания считать гомеровскую эпоху в какой-либо мере «феодальной» или находить в ней хотя бы элементы капиталистического развития. Изучение источников не позволяет видеть в гомеровской Греции оформленных рабовладельческих отношений и соответствующего им рабовладельческого государства. Известный рассказ о постройке троянских стен носит ярко выраженный характер легенды. Вряд ли Посейдона и Апол-

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 86, 164.

³⁵ К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса». Т. IX. М. 1941, стр. 89—90.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 105—106.

³⁷ К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса». Т. IX, стр. 144—146.

³⁸ Там же; см. также «Политика» Аристотеля. Перевод С. А. Жебелева. СПб. 1911, стр. 138—139.

³⁹ М. Вебер. Указ. соч., стр. 152—155.

лона можно действительно считать рабами Лаомедонта. С другой стороны, черты «рабовладельческого хозяйства» во дворце Алкиноя, несомненно, преувеличены. Так, в VII песне «Одиссей» далеко не все женщины, прислуживающие Арете и Алкиною, названы в тексте рабынями. Наряду с недвусмысленным термином *δμοε* применен и другой термин — *αμφίπολος*, который было бы, конечно, неправильно безоговорочно переводить словом «рабыня» или «невольница». Наконец, в XXI песне «Одиссей» резко подчеркнут домашний, патриархальный характер гомеровской эпохи. Одиссей, обещая рабам награду за помощь, говорит: «Я вас обоих поженю, дам имущество и жилище построю вблизи моего, а затем вы будете для меня, как товарищи и братья Телемака»⁴⁰.

В данном тексте представляют интерес примененные здесь термины. Весьма возможно, что слово «касигнет» обозначало людей, введенных в родовую организацию, на которых по обычному праву того времени распространялись все права и обязанности, которыми обладали родичи. Касигнетов и родичей тесно связывал вместе древний обычай кровной мести, а также сакральное право того времени, согласно которому касигнеты должны были принимать ближайшее участие в похоронах родича⁴¹.

Все имеющиеся в распоряжении историков данные приводят к выводу, что классическая пора военной демократии в гомеровское время была периодом распада родового строя, когда еще не существовало государства, оформленного в аппарат «для систематического применения насилия и подчинения людей насилию»⁴².

В равной мере буржуазные историки идеализируют древнейшее римское государство. В этом отношении особенно характерна книга Ч. Лаунспэча, который всячески старался показать, что в так называемый царский период римской истории «царь управлял государством, как отец управляет своей семьей»⁴³. Это обычная идеализация древнейшего классового общества, органически вырастающего, по мнению буржуазного историка, из древнего семейного быта. Однако «царский период» римской истории был лишь временем перехода от родового строя к рабовладельческому, когда еще не сложилось государство в качестве аппарата принуждения, находящегося в руках правящего класса рабовладельцев. Наличие норм родового строя типично для законов XII таблиц, которые санкционируют родовую собственность, ту собственность, которая удерживается и переходит по наследству в пределах данного рода⁴⁴. Еще в 1857—1858 гг. Маркс обратил внимание на то, что в Риме очень долго сородичи сохраняли право наследовать имущество умерших, у которых не было близких родственников и которые не оставили завещания⁴⁵. А в 1877 г. в конспекте книги Моргана «Древнее общество» он дал значительно более подробное и полное изложение этой проблемы. Особенно существенно то, что Маркс установил типологическую близость между древнееврейским, древнегреческим и древнейшим римским правом наследования, которое было основано на том, что «род требовал безусловного права удерживать наследственное имущество в пределах рода»⁴⁶. Иными словами, и Израиль в древнейший период своей истории, предшествовавший образованию государства, знал время разложения родового строя и существования военной демократии, столь типичной для гомеровской Греции и древнейшего Рима.

⁴⁰ «Одиссея». VII, 232, 235; XXI, 214—216.

⁴¹ «Одиссея». XV, 273; XIV, 433, 483; «Илиада». XXIV, 793; XVI, 674; IX, 632.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 68.

⁴³ Ch. W. Lounsbach. State and Family in Early Rome. L. 1908, p. 72.

⁴⁴ Е. В. Никольский. Система и текст XII таблиц. Исследование по истории римского права. СПб. 1897, стр. 290—291.

⁴⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 46, ч. I, стр. 469.

⁴⁶ К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса». Т. IX, стр. 53, 56.

Наконец, и в общественном строе древних германцев мы обнаруживаем те же самые черты военной демократии, столь ярко и четко описанные Тацитом. Во главе германских племен стояли избираемые народом племенные вожди, которых римские писатели называли *reges*. Власть их вполне соответствовала власти древнегреческого *басилевса* или древнеримского *рекса*. «Царей они выбирают по благородству происхождения, предводителей по храбрости. И цари не имеют неограниченной и произвольной власти, и предводители у них начальники больше по примеру, чем по власти,— по уважению, которым они пользуются...». Верховная власть принадлежала народному собранию и совету племенных вождей или старейшин, которые в то же самое время были органами высшей судебной власти. «О делах меньшей важности имеют совещания князя, о более важных — весь народ, но так, что и все то, что решает народ, обсуждается [предварительно] князьями»⁴⁷. Особенно существенно то, что экономический строй был еще довольно примитивным. Преобладала простейшая меновая торговля, металлургия стояла на низком уровне развития, еще не возникли первые города. Как указывал Тацит, «германские народы не живут в городах... и не терпят смежных жилищ». Рабство было сравнительно мало развито. По словам Тацита, «господина от раба не отличишь по более нежному воспитанию: они живут среди того же скота, на той же земле, пока возраст не отделит человека свободнорожденного и не признает таковым ему мужество»⁴⁸. Как видно из книги Рееба, Допш считал, что рабство у германцев резко отличалось от того рабства, которое существовало в Риме⁴⁹. Таким образом, и у древних германцев еще не существовало ни развитых форм рабовладения, ни рабовладельческого государства. По словам Ф. Энгельса, «у объединявшихся в народы германских племен существовала такая же организация управления, как та, которая получила развитие у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей... Это была наиболее развитая организация управления, которая вообще могла сложиться при родовом строе; для высшей ступени варварства она была образцовой»⁵⁰. Вполне возможно, что и древневосточные народы в период разложения и распада родового строя жили в условиях военной демократии. Однако в эпоху образования рабовладельческого государства могли сохраниться лишь пережиточные формы тех древних органов власти, которые осуществляли власть народа в эпоху военной демократии. Поэтому и ассирийское «карум», и шумерийское «гуруш уру», и вавилонское «пухрум», и древнееврейское «мужи и старейшины Израиля» были лишь пережиточно сохранившимися остатками органов власти военной демократии⁵¹. В эпоху возникшего классового рабовладельческого общества они уже не отражали интересов всего народа, а были лишь органами власти того правящего класса рабовладельческой аристократии, который и создал рабовладельческое государство. Пережиточные формы древних органов власти получили совершенно иное значение и иной характер.

Соответственно с этим в значительной степени изменилось и смысловое значение этих политических терминов: ассирийского «карум», шумерийского «гуруш уру», вавилонского «пухрум» и древнееврейского «мужи и старейшины Израиля».

⁴⁷ Тацит. Германия. Перевод В. И. Модестова. Т. I. СПб. 1886, гл. 7, стр. 45; гл. 11, стр. 47.

⁴⁸ Там же, гл. 16, стр. 49; гл. 20, стр. 51.

⁴⁹ Tacitus. Germania. Herausgegeben und erläutert von W. Reeb. Leipzig und Berlin. 1930, S. 41, 158.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 143—144.

⁵¹ Особенно яркие примеры превращения органов общинной власти,— древних «советов старейшин» (джаджат и кенбет) в государственные и храмовые органы административно-хозяйственной и судебной власти мы можем наблюдать в древнем Египте. См. В. И. Авдиев. Сельская община и искусственное орошение в древнем Египте. «Историк-марксист», 1934, № 6, стр. 71—72; И. М. Лурье. Храмовый суд в древнем Египте. «Вестник древней истории» (далее — «ВДИ»), 1949, № 2, стр. 32—39.

рийского «гуруш уру», вавилонского «пухрум» и древнеегипетских «джаджат» и «кенбет». Как известно, язык существует гораздо дольше, чем тот или иной способ производства, та или иная общественная формация. Язык живет и развивается в течение ряда эпох. В связи с этим в языке сохраняются многие старые термины, смысловое значение которых с течением времени меняется в связи с новыми производственными отношениями. Так, древние термины, обозначавшие в период военной демократии «народное собрание», в эпоху древнейшего государства, рабовладельческой деспотии хотя и сохранились в языке, но стали уже обозначать новые органы власти класса рабовладельческой аристократии. Обломки далекой старины, эти древние органы народной власти эпохи родового строя и военной демократии, потерявшие со временем свое прежнее значение, сохранились и в других древневосточных государствах. Можно предполагать, что элементы военной демократии в той или иной форме и в той или иной степени сохранились прочнее в тех периферийных странах древнего Востока, где классовое расслоение, образование рабовладельческого общества и государства произошли позднее, чем в тех аллювиальных долинах Египта и Месопотамии, где значительно раньше возникли большие и могущественные деспотии. Так, в странах Малой Азии и Закавказья, очевидно, долго существовали догосударственные племенные союзы. В договорах хеттских царей с различными племенами, жившими главным образом в восточной и северо-восточной части Малой Азии, упоминаются не цари этих областей, а правители или просто «люди» той или иной области или страны, то есть, очевидно, представители правящей аристократии, или старейшины племен, или родоплеменных групп. Более того, в актах хеттского царя Муршилы II говорится, что у племени кашкейцев (газгейцев) не было такого обычая, чтобы у власти стоял один [человек].⁵²

Возможно, что и у хеттов в период распада родового строя существовала военная демократия. Во всяком случае, в эпоху Древнего Царства в хеттском государстве продолжал существовать высокоаристократический совет, пережиток древнего совета старейшин. В так называемом «Государственном завещании» Хаттушиля I в хеттско-аккадской двуязычной надписи встречаются аккадские слова ERJN, MEŠ и nagbati, которые многими современными исследователями переводятся, как «войско» (вернее, ополчение), «все», «целиком» или «в своей совокупности». В хеттской части этой надписи этим словам соответствуют слова «панкуш» и «накеш». Отсюда были сделаны выводы, что древнехеттское слово «панкуш» означает «собрание воинов» или «народное собрание». Так как в известном «Указе Телепина» упоминается «панкуш», к которому будущий царь должен обратиться за советом в важных случаях, некоторые исследователи полагали, что это есть особое «народное» или даже «государственное»⁵³ собрание, которое имело право решать вопросы государственной важности и даже выбирать царя, что, по мнению Б. Грозного, «является прямым отрицанием древневосточного абсолютизма и есть скорее элемент (буквально эманация) индоевропейского духа»⁵⁴. Упоминание в билингве Хаттушиля I в этом контексте и слова «кабтути» — «великие знатные» определенно свидетельствуют о том, что в этот совет или собрание входили высшие сановники государства. Судя по некоторым другим данным, действительно мог существовать наряду с собранием воинов и совет высших сановников. Немецкий хеттолог А. Гетце предполагал, что этот «совет аристократов» был «институтом, который принес с собой в Азию индогерманский слой господ»⁵⁵.

⁵² A. G ö t z e. Kleinasiens. München. 1957, S. 102.

⁵³ R. H a a s e. Op. cit., S. 92—93; В. В. И в а н о в. Хеттский термин panku — собрание. «ВДИ», 1958, № 1, стр. 15; A. G ö t z e. Op. cit., S. 86.

⁵⁴ В. H r o z n y. Älteste Geschichte Vorderasiens. Prague. 1940, S. 124.

⁵⁵ A. G ö t z e. Das Hethiter Reich. Leipzig. 1928, S. 20.

Поскольку упоминание о панкуше, вставленное в речь Хаттушиля I, встречается в надписи Телепина, относящейся к более позднему периоду, когда уже существовало организованное рабовладельческое государство хеттов, панкуш нельзя считать органом народной власти, тем народным собранием или советом племенных вождей, которые, как мы уже видели, существовали в эпоху разложения родового строя у многих народов древневосточного мира. Впрочем, и упоминание о том, что в состав этого собрания входили «знатные, аристократы», «сановники государства», ясно указывает на то, что древний «совет старейшин» в эпоху образования древнейшего классового государства уже превратился в своего рода высший судебный орган государственной власти⁵⁶.

Возможно, что у древних народов Закавказья в период распада родового строя также существовала военная демократия с ее своеобразными органами власти и управления — народным собранием и советом старейшин или племенных вождей. В Ванской летописи Сардури II говорится, что он перед походом в страны Этиуни, Эриахи, Куриани и Ирани собрал воинов и вознес молитвы богам. Академики Н. Я. Марр и И. А. Орбели предположили, что здесь имеется в виду «народное собрание воинов», созванное «в поле» накануне похода⁵⁷. Конечно, это предположение нельзя доказать ни лингвистически, ни другими данными. Однако эта догадка основывается на правильной предпосылке, вытекающей из общего анализа социальных отношений в Урарту, где долго сохранялись остатки времен военной демократии.

Очень сложен вопрос о сохранении пережитков военной демократии в древнем Китае. Действительно, в комментаторской книге «Цзо-Чжуань» сохранились смутные воспоминания о том, что в эпоху Чунь-Цю аристократы (дафу) и «люди города» (гожэнь) временами оказывали некоторое влияние на политическую жизнь страны. Однако упоминаемые в этой книге органы власти, по-видимому, были пережиточными формами «народных собраний» времен военной демократии. Можно думать, что описанные в ней события происходили в тех областях, где еще сохранялись реальные формы первобытнообщинного строя. Известно, что книга «Цзо-Чжуань» подверглась переработке в эпоху Хань, когда Китайское государство вело интенсивную великодержавную политику⁵⁸. Поэтому описания так называемых «общинных традиций и обычаев» — это лишь стремление завуалировать централизаторскую политику государственной власти. На самом деле пережиточные органы власти времен военной демократии использовались в своих целях аристократией, пытавшейся опереться на зажиточные слои свободного населения⁵⁹.

Пережитки родового строя долго сохранялись и в древней Индии. Однако эта проблема представляет значительные трудности ввиду того, что хронология древнеиндийской истории еще не полностью установлена. С этим связан и целый ряд источниковедческих вопросов, так как древнейшие индийские рукописи относятся лишь к поздней буддийской эпохе, а некоторые источники, как, например, социально-политический трактат «Артхашастра», не могут быть точно отнесены к определенному периоду. Очевидно, к очень древнему времени относятся родовые организации ганы и сангхи. Вопрос об их происхождении и значении до сих пор полностью не изучен. Ганы и сангхи часто считались исключительно родовыми организациями. Однако это неправильно. Значение термина «сангха» могло в течение веков меняться. Возможно, что упоминаемые в древнейших эпических поэмах сангхи — это племенные объединения, но вряд

⁵⁶ O. R. Gurney. Hittites. L. 1962. p. 63.

⁵⁷ Н. Я. Марр, И. А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пггр. (1922), стр. 54.

⁵⁸ J. Needham. Science and Civilisation in China. Vol. I. Cambridge. 1954, p. 75.

⁵⁹ См. В. А. Рубин. Народное собрание в древнем Китае в VII—V вв. до н. э. «ВДИ», 1960, № 4, стр. 22—40.

ли их можно сопоставлять с уже оформившимися, пусть даже ранними, рабовладельческими государствами, поскольку точно датированной и ясной документации для этого мы не имеем. Конечно, нельзя называть государством «буддийскую общину», так же как нельзя называть государством и раннехристианскую общину. И поэтому вполне правы те исследователи, которые в данном случае прибегают к таким терминам, как «первобытные общности людей» или «племенные объединения»⁶⁰. В частности, слово «сангха» в древнеиндийском языке (санскрите) имеет различные значения. Например, в «Артхашастре» упоминаются «работники, составляющие объединение» (Сангха бхритах), причем под ними подразумеваются наемные работники, образующие своего рода артель, или, применяя термин, употребляемый зарубежными индологами, «корпорация». Там сказано: «Члены объединения или занимающиеся совместным трудом должны делить заработок по уговору или поровну»⁶¹.

Далее, в той же «Артхашастре» слово «сангха» чередуется с древнеиндийским словом «шрени» (воинское объединение). Автор первой главы второго отдела этого трактата в виде примера приводит названия таких шрени, как, например, Личчхиви, Ваджрика, Маллака, Кукурра, Куру, Панчала. Затем он, говоря об отношении древнеиндийского царя к этим племенам, упоминает «военные лагеря» и «лесные племена»⁶². Невольно вспоминаются ведические «сангхи, живущие оружием», и нередкие указания в более поздней индийской литературе на различные племена, населявшие глубинные лесные массивы Индии и стоявшие, несомненно, на более низком уровне развития, чем те народы, которые жили в условиях государственного строя. Очень возможно, что это были окраинные, периферийные страны, расположенные вдали от больших центров раннеклассовых, рабовладельческих государств. Что касается племени личчхавов, то те советы раджей, которые ими управляли, очевидно, были такими же советами старейшин или племенных вождей, которые позднее, в период образования государства, превратились в органы классовой власти, как это было во многих древневосточных государствах. Таким образом, и в древней Индии из пережиточных органов управления, существовавших во время разложения родового строя, возникли более поздние формы советов царских советников (например, паришад).

При изучении этих пережиточных форм древних органов власти следует иметь в виду, что в период крушения родового строя и возникновения древнейшего классового общества эти органы управления перестали выражать интересы своего народа, превратившись в своеобразные коллегии сперва родоплеменной, а затем рабовладельческой аристократии. Отрываясь от общества, эти органы власти и управления, становясь самостоятельными. Ф. Энгельс указал на то, что «эта все возрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом»⁶³. История древнего Востока ясно показывает, как эти органы народной власти в эпоху возникновения классового рабовладельческого общества превращаются в органы государственной власти, в тот «аппарат, который принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой»⁶⁴. Поэтому между первобытнообщинным строем с его органами народной власти и древнейшим классовым государством с его органами управления и подавления трудовых масс существуют резкая грань и принципиальное различие.

⁶⁰ См. Г. М. Бонгард-Левин. Республики в древней Индии. «ВДИ», 1966, № 3, стр. 8—35.

⁶¹ «Артхашастра». III.66.14.

⁶² «Артхашастра». XI.160.I.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 184.

⁶⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 74.